его размежеванию на отдельные культурные миры, различающиеся по степени адекватности восприятия реального мира, превалирования знания или воображения, понимания или предрассудков.

Разнообразие оценок в описаниях стран мира и отсутствие единой модели интерпретации их взаимоотношений с Россией отражают тот факт, что ранее доминировавшие схемы и представления утратили роль предписывающего дискурса. Новая картина мира еще не сложилась, новое распределение ролей между старыми действующими лицами окончательно не состоялось. В массовом сознании велика доля неопределенности. Все это свидетельствует о том, что общество переживает период реструктуризации своих пространственных представлений, на ментальной карте массового сознания возникают новые ориентиры и символические оси, разделяющие мир в соответствии с новыми приоритетами развития России.

Глава 3
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА И НОВАЯ РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Голландия или Нидерланды?
Информированность как основа геополитических представлений

Как показали опросы ФОМ, у значительной части респондентов названия зарубежных стран не вызвали никакой реакции. Не смогли высказать хоть какую-нибудь ассоциацию с названием страны от 16% опрошенных применительно к соседней Украине до 55% применительно к далекой Португалии. Судя по всему, значительная часть населения целиком погрузилась в проблемы, имеющие скорее даже не внутриполитический, а личный, семейный характер и не желает рефлексировать по поводу происходящего за рубежом. Особенно это касается жителей села и малых городов, а также лиц с низким уровнем образования. В среднем по 23 странам процент отказов составил 33,9.

У части тех, кто согласился ответить на открытый вопрос об ассоциациях, представления о многих зарубежных странах оказались смутными и мифологизированными. По-видимому, лучший пример — ответ на вопрос, одна ли страна Голландия и Нидерланды или две разные. 42% респондентов заявили, что это две разные страны, 30% не смогли ответить и только 28% дали правильный ответ. Примечательно, что больше всего доля неправильных ответов среди тех, кого социологи отнесли к «оптимистам», т.е. лицам с относительно высоким уровнем доходов, считающих, что их материальное положение в последние годы улучшилось или улучшится в ближайшее время, а также людей в возрасте от 35 до 50 лет. Более того, некоторые убеждены, что Нидерланды — это «холодная, гористая страна»,

другие ассоциировали Австрию с «жарой» и «страусами» или с «Олимпийскими играми» и «морем», третьи путали Швейцарию со Швецией.

Хорошим тестом степени информированности россиян о зарубежных странах стал простой вопрос об их столицах (табл. 1). В среднем столицы 23 стран знали 49% респондентов. Но этот показатель сильно варьировал как от страны к стране, так и по социальным группам респондентов. Для крупных государств, значение которых в российской внешней политике действительно велико, знание верных названий столиц достигает трех четвертей опрошенных. Так, для Парижа это 80%, для Берлина — 78%, для Токио — 77%, для Пекина — 70%, для Лондона — 69%. Несколько худшее знание столицы США (58%) объясняется почти наверняка тем, что многие респонденты путали Вашингтон с Нью-Йорком. При обычном уровне ошибочных ответов в 5-7% в случае с США их доля поднялась до рекордной планки в 18%. 57% респондентов правильно назвали столицу Индии, 51% — Испании, 47% — Греции, 43% — Австрии. И даже столицы отдаленных государств, сравнительно редко упоминающихся в СМИ, знают 1/4 — 1/3 респондентов — Стокгольм — 35%, Осло — 32%, Сеул — 29%, Ханой — 25%, Лиссабон и Оттаву — по 24%. Особый случай — Израиль: 34% респондентов полагают, что его столица — Тель-Авив и 10% — Иерусалим.

Как оценить эти результаты? С одной стороны, ответ на вопрос о столицах показывает, что от трети до половины взрослого населения страны не интересуются зарубежным миром и почти ничего не знают о нем. Стало быть, у этих людей нет и не может быть своего мнения о внешней политике и геостратегии. Им легче навязать любые мифологические представления о внешнем мире.

С другой стороны, доля правильных ответов не так уж мала, и знание зарубежной географии у россиян не меньше, а возможно даже больше, чем у граждан наиболее продвинутых западных стран.

Таблица 1

Соотношение правильных ответов на вопрос о столице и социально-демографических характеристик респондентов (%)

Страны	Все респонденты	Возраст		Образование				Тип населенного пункта			
		18 — 35	старше 50	Ниже среднего	Среднее	Среднее специальное	Высшее	Москва и Санкт-Петербург	Большие города	Малые города	Села
Австрия	43	38	45	20	37	50	73	55	45	44	31
Армения	67	61	65	46	68	73	87	63	68	70	63
Белоруссия	75	69	75	57	75	81	94	80	77	75	71
Великобритания	69	74	59	43	68	77	96	79	73	72	57
Вьетнам	25	21	21	13	22	27	45	39	23	27	18
Германия	78	74	79	68	77	83	87	78	83	80	72
Нидерланды	17	21	11	3	14	19	45	24	23	16	10
Греция	47	52	40	23	46	52	72	51	58	47	35
Индия	57	52	54	31	54	67	80	71	61	55	47
Иран	28	26	23	13	24	31	51	30	34	26	24
Испания	51	46	45	25	48	58	81	63	54	49	42
Канада	24	27	20	8	20	27	52	23	31	26	16
Китай	70	64	68	54	67	77	87	73	74	68	67
Норвегия	32	27	33	15	24	39	61	45	37	31	22
Польша	66	53	70	52	62	70	84	62	68	68	61
Португалия	24	21	22	14	18	27	52	29	23	23	22
Северная Корея	28	22	30	18	20	30	59	31	29	30	22
США	58	59	52	34	56	64	84	63	66	56	51
Франция	80	88	69	53	81	91	97	92	89	81	65
Швеция	35	30	34	18	32	40	58	31	36	38	29
Южная Корея	29	28	25	15	22	32	55	40	30	27	24
Япония	77	76	72	54	75	86	96	84	82	77	69

Рассчитано по: опросы серии «Геопроект», ФОМ (http://www.fom.ru)

У большинства опрошенных наблюдается высокий интерес к политике. Так, 62% из них заявили, что им приходилось обсуждать глобальные сдвиги после событий 11 сентября 2001 г., 69% назвали себя вполне осведомленными о споре России и Японии вокруг Курильских островов и ещё 22% «что-то

слышали» об этой проблеме. 76% респондентов имели вполне определенное суждение о целесообразности продажи Россией Ирану своих ракетных и ядерных технологий. Более 90% опрошенных знали о визите В.Путина на Кубу в декабре 2000 г., 64% знали или «что-то слышали» о договоре 1972 г. по ПРО между США и СССР. Эти взятые наугад из бесконечной череды опросов примеры наглядно свидетельствуют, что российский гражданин, несмотря на все потрясения прошедших десятилетий, а может быть и благодаря им, неплохо осведомлен о значительных международных событиях.

Формальный уровень внешнеполитической информированности россиянина позволяет достаточно серьезно отнестись к его оценкам дружественности государств мира по отношению к России. Таким образом, мы как бы конструируем карту геополитических филий и фобий. Какие же страны мира большинство граждан РФ считает дружественными, а какие — враждебными?

Мирное утро: презумпция дружественности и «оси добра»

Образ внешнего мира в представлениях наших сограждан, на первый взгляд, напоминает вид в цветущий сад из дачного окна в яркое солнечное утро. Результаты опросов (табл. 2) оказались достаточно неожиданными. Большинство россиян в первый год XXI века отнюдь не склонны разделять пессимистическую убежденность Александра III, что единственным другом России в мире является черногорский князь. Во всяком случае, после всех великих трагедий и страшных войн завершившегося столетия россияне стали смотреть на мир существенно оптимистичней, чем их император сто десять лет назад.

Первое, что бросается в глаза при анализе данных — это в целом **позитивное отношение россиян к внешнему миру**. Из 20 стран, по которым имеются оценки, 15 были оценены как дружественные более чем половиной респондентов. Только одну страну (США) более половины респондентов сочли недружественной, и еще в четырёх случаях доля отрицательных ответов равна или превышает половину положительных (Великобритания, Ирак, Иран, Израиль). По большинству стран доля респондентов, полагающих их враждебными, не превышает 12,5%.

Кроме названных стран, сравнительно многие (20 % и более) называют враждебными Японию, Германию, Польшу. К этому перечню приближается Китай — 18%. Но такие страны НАТО, как Испанию, Норвегию, Канаду, Португалию считают враждебными совсем немногие. Столь же мала доля лиц, считающих враждебными России Вьетнам и Северную Корею. Отношение к ним такое же, как к Швеции, Финляндии или Австрии.

Таблица 2

Оценки российскими гражданами дружественности стран мира к России, в % от общего числа опрошенных (опросы ФОМ, 2001 г.)

Страна	Дружественная	Недружественная
Индия	83	4
Финляндия	77	8
Норвегия	68	7
Вьетнам	68	11
Китай	66	18
Швеция	65	10
Канада	64	12
Испания	62	8
Германия	61	20
Австрия	58	11
КНДР	58	12
Южная Корея	58	12
Польша	57	25
Япония	56	27
Израиль	52	26
Португалия	49	10
Великобритания	48	28
Иран	42	27
Ирак	39	35
США	32	52

Источник: опросы серии «Геопроект», ФОМ (http://www.fom.ru)

Особо дружеское чувство из всех великих держав и потенциальных полюсов «многополюсного мира» россияне испытывают к **Индии**. 83% опрошенных сочли ее дружественной страной и лишь 4% — враждебной (меньше, чем какое-либо

иное из представленных в списке государств). Примечательно, что эта убежденность усиливается с ростом образования, достигая среди лиц с высшим образованием 91%. Это абсолютный рекорд дружественности.

Ярко выраженными симпатиями россиян пользуются также **северные страны**. Свою роль здесь сыграли, видимо, климатические факторы и традиционное восприятие именно северных стран как особенно стабильных и благополучных, и отсутствие (или невосприятие) исходящих из Северной Европы угроз для национальной безопасности. Неудивительно, что абсолютную победу в «рейтинге дружественности» среди европейских стран одержала **Финляндия**, которая еще с советских времен воспринимается как почти «свое» государство (77% позитивных оценок и только 8% негативных). Высоки показатели Норвегии и Швеции, которые со времен перестройки принято считать «справедливыми», почти «социалистическими» государствами.

Самое основное и устойчивое в образе Финляндии — это представления о финской природе (чисто, холодно, красиво, леса, озера). Возможно, здесь наслоились черты первоначального, дореволюционного образа Финляндии как места отдыха. В последние годы эти черты начинают закрепляться опытом туристских и деловых поездок.

Финляндия предстает в сознании россиян также как богатая и благополучная страна, давно, далеко и прочно удалившаяся от России. Несколько странно, что знания россиян о Финляндии не превышают знания о других странах. Исторически недавно Финляндия была частью России, причем не далекой, как Аляска, а настолько близкой, что ближайший к Петербургу ее район был дачной местностью для его жителей. Теперь Финляндия воспринимается как давно уже «отрезанный ломоть». Однако по «степени дружественности» России она уступает только Индии.

Финская война не отразилась на современном положительном имидже страны. Образ страны-врага существовал только в 30-е годы, когда ослепительно чистые снега Финляндии ассоциировались не с лыжными прогулками, а с солдатами в маск-халатах. По-видимому, по сравнению с войной с Германией финская кампания воспринимается как «досадный эпизод». Впрочем, все-таки это историческое обстоятельство вызвало недоброжелательное отношение к Финляндии у 6% опрошенных — в основном пожилых людей.

Одна из основ современного образа Финляндии — спортивные ассоциации, тоже «зимние» («зимний хороший отдых»; «туризм»; «хорошие горнолыжные курорты»). Зимний образ страны подкрепляется тем, что Финляндия, а точнее — Лапландия считается родиной Санта-Клауса. У небольшого числа респондентов (1%) Финляндия вызвала литературные ассоциации, причем тоже — зимние («Сказка о Снежной королеве»).

В отличие от многих других стран, экономические ассоциации, а точнее — ассоциации с финскими товарами — не новейшее развитие образа, а довольно давние «штрихи к портрету», поскольку финские товары пользовались повышенным спросом у советских покупателей еще в 70-е годы. (Сначала это были сапоги, другая обувь, несколько позднее спортивные куртки, холодильники, масло, сыр «Виола», бумага и, наконец, в последние годы к ним присоединились меха, краски, лаки «Тиккурилла», водка «Финляндия», конфеты с ликером и пр.).

Лишь 4% опрошенных имеют представление о финнах как народе («там люди живут — финны»; «высокие блондинки»; «здоровые, крепкие мужики»; «спокойные, уравновешенные люди»; «некрасивые женщины»; «умные, уравновешенные люди, чистоплотные»; «девки красивые»; «доброжелательный народ») и еще меньше — 2% об образе жизни финнов («рыбалка»; «размеренный образ жизни люди ведут»; «много пьют»; «баня финская»). Такие ответы, по-видимому, объясняются тем, что личные ассоциации связывают с Финляндией только 1% опрошенных («мой отец там воевал»; «брат Ваня погиб в Финляндии»; «живет знакомая»; «мой дед был финном»; «государственная граница — я там служил»; «у меня там внук на границе служит»; «это родина моей внучки»; «мой брат там погиб»).

В коллективной исторической памяти россиян практически растворилось негативное отношение к **Германии**. В начале апреля 2001 г. дружественным государством ее признали 61% респондентов, недружественным — только 20%. В сентябре того же года, после событий 11 сентября, уже 64% россиян объявили, что лично им немцы, как народ, симпатичны (противоположного мнения придерживались 19%, 17% затруднились с ответом).

Позитивное отношение россиян к Германии, выявленное многими опросами еще более 10 лет назад, во времена объединения ФРГ и ГДР, тем более знаменательно, что в умах многих граждан страны она первым делом ассоциируется с нацизмом

и с противоборством эпохи Второй мировой войны. На открытый вопрос «Что в первую очередь приходит Вам в голову при слове «Германия»?» 29% указали на реалии войны и нацистского режима, а второй по известности среди немцев (после канцлера Г.Коля) у россиян — Гитлер (18 %). Среди негативных ответов имеются и очень личные: «не могу до сих пор переносить немецкую речь, это не люди — по воспоминаниям детства», «нация, которой бы лучше не существовало», «отец погиб на Второй мировой войне, а дед — на Первой, на германском фронте», «вечный враг», «вспоминаю отца — он брал Берлин».

В своем романе-эссе «Гений места» Петр Вайль писал: «Даже о врагах могут быть добрые воспоминания, если они не воспринимаются врагами. Если нет мифа об этом народе. Национальный миф возникает только о тех, с кем есть или было что делить. С кем воевали по-настоящему. Так, в России существуют немецкий миф, французский, американский («холодная война»), даже польский. Про этих мы знаем все, и им не выйти из стереотипов, шрамами врезанных в кожу. Про большинство народов мира мы и знать ничего не хотим: они так далеки, что почти не существуют» (Вайль, 1999).

И всё же на одного русского, неприязненно относящегося к немцам и считающего Германию врагом, приходятся три человека, симпатизирующих немцам и полагающих Германию «дружественным государством». Естественно, что положительные ассоциации возрастают в младших возрастных группах (с 52% у тех, кто старше 50, до 69% в младшей возрастной группе), но, независимо от возраста, доля дружественно настроенных к Германии больше доли лиц, считающих ее «нашим врагом».

Таким образом, страна, которую раньше полагали естественным геополитическим противником России в Европе, с точки зрения подавляющего большинства респондентов, населена симпатичным народом и является дружественным государством. «Богатая, изобильная страна», «народ умный, аккуратный, чистоплотный», «страна, занимающая первое место по развитию контактов и связей с Россией», «прекрасно к нам относятся» — это, пожалуй, наиболее типичные ответы на вопрос о том, какие ассоциации вызывает Германия.

Устойчивые положительные эмоции опрошенные испытывают к **Франции**. «Во Франции — всё прекрасно», «интеллигентные люди», «красивые женщины», «честь, благородство», «лёгкая страна, нравится она», «ведущая в Европе страна в области культуры и искусства», «Париж — столица мира»... Противоположные ассоциации единичны (не более 1% опрошенных).

Одним из косвенных показателей, отражающих мнение о «дружественности» страны, является вопрос о симпатии к президенту. Треть респондентов заявили, что испытывают к президенту Франции Ж.Шираку симпатию как к политику, и только 8% сказали, что он им несимпатичен. При этом привести хоть какую-то конкретную ассоциацию, связанную с его именем, смог лишь каждый четвертый участник опроса. Можно предположить, что «безотчетная восторженность», характерная для отношения к Франции в целом, в значительной мере повлияла и на оценку президента этой страны. Больше всего симпатий Ширак (а, значит, отчасти и Франция) вызывает у образованных обеспеченных мужчин, жителей мегалополисов и крупных городов Европейской части России.

Участники опросов выражают доброжелательное отношение и считают дружественной России страной и бывшего «союзника поневоле» «братскую» **Польшу**. И это несмотря на то, что между Россией и Польшей традиционно сохранялись очень сложные отношения «соперничества за восточно-европейское пространство» (П.Н.Милюков). К полякам испытывают симпатию 64% респондентов, а дружественным польское государство называют 57% (противоположных взглядов придерживаются соответственно 25 и 13%).

При этом тех, кто убежден в симпатиях поляков к русским, существенно меньше, чем тех, кто уверен в собственных симпатиях к полякам. Только 44% опрошенных думают, что большинство жителей Польши относятся к России положительно, 22% высказывают противоположное суждение.

Из опросов хорошо видно, что на образе Польши сказалось многовековое тесное соседство с Россией, отмеченное амплитудой колебаний в характере отношений между странами (государствами) и между народами — от совместного «проживания под одной крышей» до открытой вражды и даже войн. Впрочем, конфликты

воспринимаются преимущественно как факт истории, литературы и искусства и не представляют собой главной составляющей образа страны, хотя исторические ассоциации известны россиянину не только из школьных учебников истории, но и потому, что некоторые символы (знаки) этих исторических событий всегда «на слуху» (памятник Минину и Пожарскому в Москве, популярная опера Глинки «Иван Сусанин»).

Новейшая историческая составляющая, связанная с событиями Второй мировой войны, жива в народной памяти, тем более, что она активно поддерживается СМИ, кинематографом и т.п. и вносит свой вклад в положительный образ Польши («они помогли нам в войну»; «нас связывает война»; «вместе войну пережили»; «совместная борьба с фашизмом»; «вместе воевали»). Впрочем, ассоциации с Великой Отечественной войной Польша вызвала лишь у 1% респондентов, а в целом об общей истории вспомнили 3% респондентов.

27% опрошенных испытывают чувство генетического родства с поляками, хотя при этом сходство языка отмечают только 7% респондентов. Отмечаются близость с русскими некоторых черт национального характера — как положительных (душевность, дружелюбие, доброта, добродушие, широкая душа, трудолюбие, «как и мы, миролюбивые, оптимистичные, талантливые»), так и отрицательных («воруем одинаково»; «такие же грязнули, лодыри»; «злостные и неприветливые, какими и мы стали сейчас все»; «непредсказуемость»; «одинаково любят обсчитать на рынке»), а также внешнее сходство. В ответах респондентов не ощутимо извечное противоречие между православием и католицизмом; напротив подчеркивается общность религии — христианства.

Роднит русских с поляками и дает дополнительный штрих к образу Польши, «страны, похожей на Россию», и общая почти полувековая история совместного существования в социалистическом лагере.

По отношению к полякам иногда проявляется некая «историческая зависть» — и мы, и они — славяне, языки похожи, живем по соседству, а в то же время Польша значительно глубже интегрирована в Европу, в европейскую жизнь, чем Россия. Интересно, что по отношению к такой же, казалось бы, близкой соседке Финляндии, стране безусловно европейской, подобной зависти не ощущается. Это значит, что Финляндия воспринимается более отстраненно, чем Польша.

По сравнению с другими странами, в образе Польши меньше всего заметна эволюция образа именно в силу исторической близости к России (как со знаком «плюс», так и со знаком «минус»). Всегда легче взгляд со стороны, а Польшу и Россию

связывают столь тесные исторические связи, сходство менталитета, образа жизни, привычек, культуры, что россиянин не может смотреть на Польшу отстраненно. Может быть, она менее интересна именно в силу своей близости и именно поэтому ее образ слабо эволюционирует.

Среди ответов на открытый вопрос: «Какие ассоциации вызывает у Вас слово Польша?» число положительных и нейтральных ассоциаций существенно превышает число отрицательных. Хотя половина респондентов вообще затруднились с ответом, среди остальных отрицательные суждения охватывают всего несколько процентов. По крайней мере, в отношении Польши не ощутимы ни страх, ни раздражение.

Самым распространенным аспектом общности между русскими и поляками наши респонденты называют **славянство**, этнолингвистическое единство. Такого мнения придерживаются 35% респондентов, 42% затруднились с ответом. Славянство оказывается мощным объединяющим фактором и весьма сильной аффилиацией в современной России.

В целом можно смело сказать, что к европейским странам у россиян имеется презумпция дружественности.

Интересным выглядит казус **Японии**. Хотя подавляющее большинство россиян знают про курильскую проблему, которая муссируется в СМИ на протяжении многих лет, считают Южные Курилы российской территорией и не собираются идти ни на какие уступки Японии, 56% респондентов все-таки рассматривают Японию как дружественное государство (27% относят ее к недружественным странам). Мнение о дружественности Японии наиболее распространено среди респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, адаптированных к переменам, людей с высшим образованием и сторонников В. Путина.

Отвечая на открытый вопрос, о проблеме четырех южных островов Курильской гряды упомянули 10% респондентов. Более половины российских граждан (54%) уверены в том, что спорные территории принадлежат России, а Япония должна отказаться от претензий на них. Эту точку зрения разделяют прежде всего сторонники Г. Зюганова (72%) и жители Дальневосточного федерального округа (70%). По мнению 10% опрошенных, решение вопроса об островах нужно отложить на далекое будущее.

Идею о том, чтобы передать спорные острова в совместное управление Россией и Японией на длительный срок, поддерживают 15% опрошенных. Такое решение проблемы пользуется большей популярностью у людей с высшим образованием. Основные аргументы против передачи островов таковы: это противоречит оборонно-стратегическим интересам России и ударит по престижу страны в глазах ее граждан и мирового сообщества.

Противостояние времен Второй мировой войны не оказывает существенного влияния на геополитические воззрения россиян. Их предпочтения существенно изменились и в чем-то даже перевернулись, во всяком случае отношение к былым союзникам в лице США и Великобритании оказалось заметно хуже отношения к бывшим врагам в лице Германии и Японии.

Почти фантастическим выглядит и отсутствие опасений в отношении **Китая**, который перегнал в рейтинге российских друзей и Японию, и Германию. В свое время одним из штампов советской пропаганды был «гегемонизм и великодержавный шовинизм», который приписывался маоистскому Китаю. Сейчас многие СМИ поднимают тему «ползучей» китайской экспансии на Дальнем Востоке. Однако, 67% россиян оценили Китай как дружественную страну, и только 18% считают «великого соседа» недружественным государством. Весьма показательным с точки зрения современной геополитики является и отдаваемое россиянами **явное предпочтение Пекина Вашингтону**. 40% респондентов считают, что партнерство с Китаем важнее для России, чем партнерство с США, и только 28% придерживаются противоположной точки зрения. В одной из вероятных геополитических игр XXI века симпатии россиян на стороне Китая.

Китай — довольно хорошо знакомое россиянам государство. Только 28% респондентов затруднились назвать какие-то китайские реалии. Большая часть образов, приходящих на ум в связи с Китаем, — положительные или нейтральные: 17% опрошенных подчеркивают его многонаселенность, 8% участников опроса — огромные размеры, 3% — древность высокой культуры. Восьми процентам сразу же приходит в голову, что Китай — зажиточная, быстро развивающаяся страна, 6% — что это дружественная страна, «наш главный союзник», «братская страна», 3% — что китайцев отличают честность, трудолюбие

и дружелюбие. Почти половина респондентов (45%) согласны с тем, что «Китай в ближайшие десять лет займёт лидирующие позиции в мировой экономике и политике» (противоположного мнения придерживаются 28%).

Что касается коммунистических стран — КНДР, Вьетнама, Кубы — то к ним отношение большинства россиян дружественное, но жалостливое. Людей жалко, а режимы в целом осуждаются. «Люди тяжело живут», «бедная, нищая страна с низким уровнем экономики», «какая-то горечь, жалость, несчастный народ». Особенно печально в глазах респондентов выглядит Северная Корея, хотя кое-кто, путая её с Южной Кореей, считает «капиталистической страной с демократией». Но чаще иное — «чистый сталинизм», «заповедник коммунизма», «голод, разруха», «люди изголодались, траву едят», «кошмар». На Вьетнам накладываются большей частью отрицательные впечатления от общения с вьетнамцами в России. Люди старшего поколения вспоминают, что когда-то с участием следили за войной в Корее и в Индокитае, болели за коммунистов и осуждали американцев. Но всё это в прошлом. Слово «бывший» при описании своих ассоциаций с Вьетнамом, Кубой или КНДР появляется очень часто — «бывший союзник», «была война», «бывшие наши друзья».

«Бывшие» союзники в сознании россиян оказываются вне поля геополитического внимания. Они не являются объектом притяжения, выраженной симпатии, с ними не связаны и страхи. Судьба народов вызывает жалость, а режимы, царящие в этих странах, ассоциируются с недавним собственным прошлым.

Результаты опросов показывают, что современная Россия отнюдь не страдает комплексом «враждебного окружения». Несмотря на кризис политической идентичности, глубокий пессимизм и чувство национального унижения, россияне удивительно хорошо настроены по отношению к окружающему миру, предпочитая видеть там друзей, а не врагов.

Позитивное отношение к различным странам, в том числе потенциальным геополитическим соперникам, является своеобразной реакцией на открытие мира после развала Советского Союза. Российские граждане почти по-детски заново познают мир, отсюда и очень хорошее отношение к этому миру. Оно

подпитывается такой традиционной особенностью русских, как, по словам Ф.М.Достоевского, «всемирная отзывчивость». Ведь в своеобразной форме «всемирная отзывчивость» культивировалась и в советское время. Советская пропаганда всегда подчеркивала, что все народы — «хорошие», плохими же являются их «буржуазные» правительства. Поэтому в сознании россиян почти отсутствует восприятие чьей-либо коллективной вины за нанесенные обиды и «плохое поведение» на международной арене. Сейчас, когда выяснилось, что правительства других стран тоже совсем «неплохие», россияне стремятся дружить практически со всеми.

Геополитические пристрастия простых россиян имеют **ярко выраженный евразийский и циркумполярный характер, сочетая евразийскую и северную идентичность**. Российскую «низкую» геополитику можно описать через любопытную **ось** «Хельсинки — Дели — Пекин». Происхождение такой системы геополитических предпочтений, несомненно, имеет корни в истории XX века, особенно его второй половины. Ведь именно в советский период азиатское направление в нашей геополитике стало равновеликим западному, и мы обогатились реальными и мнимыми союзниками на Юге и Востоке. Обыденное сознание четко зафиксировало появление новых «друзей», факты «братской помощи», признаки «благодарности», быстро и охотно ввело в позитивный контекст многочисленные «развивающиеся страны», которые еще сто лет назад казались просто «другой планетой». Что касается западных стран, то здесь были отсеяны «открыто враждебные» государства, в то время как большинство попало в список «развитых» (а значит «хороших») и в то же время «безопасных». Отсюда проистекает своеобразное «**мирное евразийство**» в наших геополитических предпочтениях.

Зарницы на горизонте?
Геополитические комплексы и страхи: оси зла

Однако столь благостное отношение к внешнему миру по принципу «не сотвори себе врага» имеет и обратную сторону. У России сложная история отношений с другими странами,

полная кровавых войн; помнится и собственная экспансия и столкновения с экспансией других государств. Поэтому под «первым слоем», где «все хорошо», оказывается **второй слой**, в котором можно найти подсознательные страхи и изоляционистские комплексы.

Четверть респондентов сочла недружественным государством Польшу. Очевидно, что в советское время такой ответ казался бы нелепым. Теперь в российской «низкой» геополитике возник своеобразный, хотя разделяемый только меньшинством респондентов, **комплекс «предательства»**, совершенного бывшими европейскими союзниками по социалистическому лагерю. Их откровенная переориентация на Запад, многочисленные недружественные выпады были болезненно восприняты частью россиян, которые теперь испытывают негативные эмоции по отношению к восточно-европейским «братьям». Они скорее видят в союзниках Западную Европу, не замечая и не воспринимая ближайших европейских соседей. Но в отсутствие репрезентативных исследований делать такой вывод по всем странам Центральной и Восточной Европы не следует.

В отношении Польши прослеживается еще одна тенденция. В отличие от коммунистических стран, до сих пор не разорвавших с этой идеологией и потому вызывающих у большинства россиян жалость и снисхождение, Польша, по мнению многих респондентов, быстрее и удачней вышла из коммунистического прошлого, чем Россия. «Богато живут поляки»; «богатая, стабильная страна»; «там хорошо — не как у нас»; «прошли у них годы бедности, а теперь живут хорошо, т. к. подняли экономику страны»; «в Польше жизнь процветает, цивилизованный народ»; «живут лучше нас»; «нормальная страна, сейчас хорошо живет»; «у них люди лучше живут, цены ниже»; «у них всегда была ориентировка на Запад: они европейцы, а мы — азиопы». Россияне сравнивают свою судьбу с судьбой бывших братьев по коммунистическому лагерю. Сравнение это, как можно видеть, приводит к осознанию, что преодоление коммунистического прошлого могло бы быть и в России более удачным и легким (Бавин, 2001).

Иное дело — Китай. Почти все возникающие у россиян ассоциации с ним так или иначе связаны с его гигантскими

размерами и растущей ролью в мировой политике и экономике, что, как показали проведенные ФОМ фокус-группы, вызывает весьма противоречивые чувства — от уважения до страха (Кертман, 2001б). **Китая опасаются** 20-25% россиян, хотя доля тех, кто считает его источником первостепенной опасности, снизилась с 17% в августе 1997 г. до 2% в ноябре 2001 г.; 4% респондентов ассоциируют с Китаем чувства тревоги и недоверия (высказывания типа «что-то опасное», «войну хотят делать», «Владивосток захватить», «угроза стратегическая», «хотят сделать из России колонию», «раньше была дружба навек, а теперь мы им не верим»). Ещё 3% опрошенных вспоминают первым делом советско-китайское противостояние, остров Даманский или эксцессы тоталитарного режима — «хунвейбины», «культурная революция» и т.п. Встречаются, хотя и в единичных случаях, те, кто не верит в экономические успехи Китая — «нищая страна», «все бедные, живут в трущобах», «я был в Китае полгода тому назад — и не видел никакого экономического чуда, я был просто шокирован», «не вижу особых достижений в Китае». Опасения по поводу восточного соседа присутствуют во всех группах, а на Дальнем Востоке — там, где соседство с Китаем ощутимо наиболее явственно, свыше трети (34%) полагают Китай недружественным государством.

Чуть меньше трети россиян считают враждебными России государствами Великобританию (29%) и Японию (27%). С Великобританией резко негативных ассоциаций вроде бы нет (разве что «особые» союзнические отношения Англии с США — «хвостик Америки»). Многие, напротив, вспоминают наше союзничество и во Второй и в Первой мировых войнах — «входила в союз Антанты»; «Вторая мировая война — союзники»; «Черчилль, помощь нам во Второй мировой войне»; «англичане воевали против Гитлера»; «второй фронт в Великую Отечественную». Можно предположить, что причины негативного отношения к Великобритании коренятся в прошлом — «большая колониальная держава когда-то была»; «раньше владычицей морей была»; «колонии в Индии»; «владычица морей, сильная колония, империя в прошлом». В этих довольно частых исторических рефлексиях сквозит давнее соперничество двух империй — Британской и Российской, столь трагически завершившееся для нас в огне гражданской войны. Уже полвека, с провозглашения Индии республикой, и Британия не является империей, «над которой никогда не заходит солнце». Слава обоих государств в прошлом, но именно память о былой борьбе за господство над Евразией формирует, возможно, негативное отношение части россиян к Великобритании. Вероятно также, что исторические воспоминания не способствуют усилению дружеских чувств к Японии.

Когда речь заходит о Японии, примерно 12-13% респондентов первым делом вспоминают спор из-за Курильских островов, браконьерство японских рыбаков в наших водах и войны с Японией и 1945 и 1904-1905 гг. Примечательно, что историческая память россиян хранит и Порт-Артур, и Халхин-Гол.

Большинство россиян (61%) верят во внешнюю угрозу России, несмотря на то, что теперь она мало персонализирована. Есть страна, которая аккумулирует весь негатив и воплощает для многих россиян образ врага. Это — **США**, за явным преимуществом победившие в антирейтинге.

В феврале 2001 г. враждебным России государством считали США 53% респондентов, и только 32% были убеждены, что США — государство, дружественное России. В сознании россиян сохранился определенный антиамериканский комплекс, который имеет советский генезис, но оказался очень устойчивым и в постсоветский период. Этому можно найти множество причин. По всей видимости, существует комплекс от поражения в «холодной войне», подсознательно переживаемого россиянами. Свою роль сыграли новые травмы от попыток США прямо или косвенно управлять российской политикой. Поведение США на международной арене способствовало сохранению восприятия этой страны как «мирового жандарма» — в соответствии с концепцией однополюсного Pax Americana, на уровне обыденного сознания вполне понятной россиянам. Ухудшению отношения к США, безусловно, способствовали бомбардировки Югославии, которые российское общество дружно осудило. Всплеск симпатий в связи с событиями 11 сентября оказался временным и не смог устранить старые комплексы. Зато Олим-

пийские игры в Солт-Лейк-Сити, результаты которых были восприняты в России как несправедливые, опять привели к ухудшению отношения россиян к США.

Интересно, что северный сосед США — **Канада** в сознании россиян четко разведена с ведущей мировой державой, Она попала в «финский» образ «хорошей северной страны», в чем-то похожей на Россию. Ее полагают дружественной 64% (затруднились с выводом 24%), а не смогли назвать столицу 69%. Одна из причин — Оттава меньше по размерам и менее известна, чем Монреаль и Торонто. Ассоциации Канада вызывает исключительно положительные.

На всех ответах респондентов о **Канаде** сказалась географическая и особенно ментально-информационная удаленность страны от России. Опрошенные (17% москвичей, 14% россиян) считают Канаду богатой, благополучной, процветающей страной, где царят покой, стабильность, «безоблачная жизнь». Ее прочный образ «райской страны» не нарушается никакой отрицательной информацией (вообще наши СМИ сравнительно редко обращают внимание на Канаду — в основном во время канадско-российских спортивных встреч). Знание канадской государственной символики (кленовый лист на флаге) также связано со спортивной информацией. Это сказалось и на ответах. Больше всего ассоциаций Канада вызывает именно со спортом у 26% москвичей и у 24% респондентов по России в целом. На первое место выходит хоккей. У 11% респондентов сложился образ канадской природы, не лишенный противоречий. У 2% россиян Канада ассоциируется с товарами (*«тушенка», «хлеб»; «дубленки, обувь»; «зерно»)*; это развитие ее образа в последние десятилетия под влиянием информации из СМИ и личного потребительского опыта.

Новая ассоциация, отраженная в сознании лишь 1% респондентов, — это эмиграция в Канаду из нашей страны. Впрочем, эмиграция из Западной Украины шла в Канаду еще в начале XX века, после распада Австро-Венгрии, но в советское время об этом было мало информации. Ответы 10% респондентов можно отнести к новым штрихам в образе Канады. Речь о тех, кто имеет какой-то личный опыт общения со страной («живет сестра подруги»; «нормальная страна — у соседей живет дочь в Канаде»; «вспоминаю знакомых, которые уехали в Канаду»; «я работал с канадским полиэтиленом».); 38% опрошенных никак не реагировали на вопросы о Канаде, проявив полное равнодушие.

В отличие от «хорошей северной» Канады, Великобритания из-за своей репутации самого верного союзника США стала в глазах россиян самой «плохой» европейской державой. Сказалось и традиционно прохладное отношение к этой стране, обусловленное трениями еще в дореволюционные времена. В результате рейтинг Великобритании как дружественной страны не дотянул до 50%, а 28% опрошенных сочли ее недружественной. **Англосаксонская «ось»** мирового политического развития оказалась на сегодняшний день относительно «неприятна» простым россиянам.

После трагических событий 11 сентября отношение к США изменилось. В конце декабря 2001 г., несмотря на то, что средства массовой информации России активно обсуждали односторонний выход США из системы ПРО, дружественным по отношению к России государством США сочли уже 38% респондентов, а враждебным — 44%.

Но, хотя россияне и после событий 11 сентября большей частью не питали иллюзий относительно дружественности США к России, они горячо желали улучшения двусторонних отношений. Опрос, проведенный ФОМ 27 октября 2001 г., фиксирует существенный сдвиг в общественном мнении. Понятно, что с органически враждебным государством сближаться бессмысленно и даже опасно.

На вопрос «А Вы лично хотели бы или не хотели, чтобы между Россией и США произошло сближение?» 69% респондентов высказались утвердительно, против — 17% (14% затруднились дать однозначный ответ).

Особенно интересно, что эти показатели почти не колеблются в различных группах. Ни уровень образования, ни возраст, ни местожительство, ни доход, ни оценка своего жизненного положения (оптимисты и пессимисты) нигде не дают отклонения от средних цифр более чем на десять процентных пунктов. Только политические предпочтения чуть нарушают эту картину единодушия нации: среди потенциальных избирателей В. Путина желают сближения с США 73%, а среди электората Г. Зюганова — 62%, и только 20% его сторонников выступают против сближения. Но и эти цифры неожиданны.

В декабре 2001 г. только 20% россиян объявили, что плохо относятся к Америке. И хотя в электорате Г. Зюганова таковых было в два раза больше (42%), всё же и среди коммунистов 22% хорошо относятся к США, а 30% сказали, что к Америке они безразличны.

Чтобы правильней понять эту установку современного российского общества, следует учесть результаты опросов ФОМ, проведенных в феврале и октябре 2001 г. Во-первых, граждане России вовсе не тешат себя иллюзиями относительно политической влиятельности и военной мощи своего отечества. Политикам, пытающимся играть на идее национального величия, следует учитывать, что нынешнюю РФ полагает сильным государством (февральский опрос) только один из трех ее граждан (31%). Обратного же мнения придерживается в два раза больше респондентов (61%). Так что никаких обольщений у большинства наших соотечественников в отношении плачевного состояния «державы» нет. Но если Россия ныне — слабое государство, а США, без сомнения, сильное, то сближение и союз двух стран не может быть дружбой равных. Те, кто высказался за сближение с Америкой, высказались, скорее всего, сознательно, за превращение РФ в младшего партнёра единственной сверхдержавы.

Во-вторых, только 25% россиян думали в конце октября 2001 г., что в результате войны с терроризмом, объявленной президентом Бушем, позиции США в мире ослабнут. 57% считали, что они усилятся еще больше или останутся неизменными. Таким образом, желание сближения с Америкой, характерное для большинства граждан страны, — это вовсе не рука помощи погибающему врагу, но попытка обрести защиту и стабильность в опасном мире. «Надо дружить с сильными странами», «если мы будем дружить, то исчезнет опасность войны между США и Россией», «укрепится международная стабильность и безопасность» — таковы доминирующие мнения россиян (5 ноября 2001 г.).

После 11 сентября 2001 г. резко снизилось восприятие США как опасной для России державы. В опросе 10 апреля 1999 г. США безусловно лидировали среди стран, по мнению россиян, представлявших для нашей страны потенциальную угрозу — 48%, притом, что второе место (16%) занимала тогда НАТО и еще 13 % крупнейшие европейские страны НАТО — Великобритания, Германия, Франция. Опрос 5 ноября 2001 г. обнаружил резкое смещение ориентаций. США теперь сочли враждебной страной лишь 13% респондентов, НАТО не назвал никто, а из европейских союзников США по НАТО — лишь 1% назвал Великобританию. Другие страны НАТО не вспомнили. Примечательно, что среди тех, кто считает США недружественным государством, преобладают мужчины и люди пожилого возраста, сторонники Г. Зюганова, с высокими доходами и высшим образованием.

Намного больше людей в России желают сближения с Америкой, чем тех, которые полагают, что такое сближение действительно происходит. В конце октября 2001 г. российское общество разделилось практически поровну по числу положительных и отрицательных оценок динамики американо-российских отношений. 44% опрошенных склонялись к мысли, что «существенное сближение» между Россией и США действительно происходит, 41% — полагал, что «отношения существенно не меняются». Такую реакцию респондентов проясняют результаты еще одного из октябрьских вопросов. 45% опрошенных сочли, что события после 11 сентября приведут к усилению позиций России в мире и только 7% — к их ослаблению (31% — позиции не изменятся, 18% — затруднились ответить).

Можно с большой долей уверенности утверждать: надежда на изменение к лучшему позиций России в мире, высказанная респондентами вскоре после событий 11 сентября, связана с их предположением, что теперь Америка в большей степени, чем раньше, будет заинтересована в союзе с Россией и односторонняя симпатия может превратиться во взаимное чувство. А это, в свою очередь, явно свидетельствует о том, что никакого атавистического антиамериканизма как наследия советской пропаганды и эпохи холодной войны в России ныне нет. Наличествует же совершенно иная тенденция — к сближению, сотрудничеству с Америкой, компенсирующему нашу нынешнюю слабость, бедность и уязвимость. Так что исторический разворот внешнеполитического курса президента Путина 11 сентября в намного большей степени соответствует чаяниям

россиян, чем разворот над Атлантикой самолета Е.М.Примакова двумя годами раньше. Русские определенно не хотят считать Америку врагом своей страны.

А хотели ли раньше, в советскую эпоху? Результатов надежных опросов из того времени у нас, понятно, нет. Но сильные прозападные и проамериканские настроения, обнаружившиеся в российском обществе сразу же после падения железного занавеса, позволяют с большой вероятностью предположить, что коммунистическая пропаганда, объявлявшая Америку врагом номер один, не принималась нашим обществом всерьёз. И нынешний властный слой России, сам вышедший из сталинской шинели, явно переоценивает эффективность позднесоветской пропаганды. Это для них Америка была врагом. Народ был далеко не единодушен в желании поддержать геополитические конструкции своих властителей.

В течение посткоммунистического десятилетия симпатии к Америке испытывались бомбежками Сербии; поддержкой, которую президент Клинтон оказывал Ельцину, Черномырдину и иным непопулярным российским политикам; слухами о планах З.Бжезинского расчленить Россию; симпатией США к чеченским сепаратистам. Но все эти испытания не привели к устойчивому антиамериканизму, а напротив, усилили желание россиян рассеять недоразумения и вступить в союзнические отношения с США, что и показали опросы 2001 г. Особенно эти чувства усилились после трагедии 11 сентября. Опросы конца 2001 г. свидетельствуют: абсолютное большинство россиян настроены на заключение долговременного союза с Америкой, хотя многие с горечью сознают, что само руководство США всё еще колеблется в отношении искреннего союзничества с Россией.

Наряду с «англосаксонской осью» не самых дружественных государств можно говорить и о второй — **«мусульманской оси»**. **Главные опасения россиян ныне вызывают Ирак и, шире, мусульманский мир**. Ощущение опасности, исходящей от исламского мира, — явление новое для российской «низкой» геополитики. Отсюда опасения, связанные с такими «знаковыми» государствами, как Ирак и Иран. **Ирак** занял второе место после США в «антирейтинге», но с большим

отставанием: 39% респондентов сочли Ирак дружественной страной, 35% — недружественной.

Сложным, хотя и не столь негативным, оказалось и отношение к **Ирану**: 42% назвали его дружественным государством, 27% — недружественным. Когда в начале марта 2001 г. респондентам был задан открытый вопрос: «Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово Иран?», большинство из тех, кто смог высказать какую-либо ассоциацию (таких — 57%), дали ответ: «воинственная страна», «агрессивная, вечно воюющая страна», «терроризм», «настораживает и ожидается что-то тревожное, пугающее», «ислам, противостояние» и т.п. И даже если принять во внимание, что многие путают Иран с Ираком, положение это не исправляет. И Иран, и Ирак — источник опасности. Положительные образы пришли в голову только одному из пяти, давших ответ на этот вопрос — «давний друг Российской державы», «жалко их, иранцев, бомбят, несчастная страна», «нормальное государство», «мусульманская страна» и т.п.

Большинство россиян верят, что Россия действительно продает Ирану свои ракетно-ядерные технологии (43%, в том числе среди лиц с высшим образованием — 52%). При этом большинство же и осуждают эту возможную практику (50%, противоположного мнения — 26%). Примечательно, что в этом вопросе наиболее решительны не самые образованные, а самые молодые (55% против продаж в младшей возрастной когорте, а среди лиц с высшим образованием — 44%), но ни в одной группе доля противников продаж не была меньше доли сторонников. Даже в потенциальном электорате Зюганова противники продаж превосходят сторонников на 10%. Российскому гражданину и здесь нельзя отказать в здравом смысле (Зубов, 1998).

Как показывают социологические исследования, после 11 сентября в роли потенциального врага России возник **Афганистан**; очевидно, что репортажи СМИ и активная пропагандистская кампания против талибов и бен Ладена сыграли здесь свою роль. Но особенно существенно, что некоторая часть респондентов стала воспринимать в качестве потенциального врага **мусульманский мир в целом.**

5 ноября 2001 г. ФОМ предложил вопрос: «Как Вы думаете, есть ли сегодня у России внешние враги, которые могут развязать войну против нашей страны?». 27% респондентов ответили, что таких врагов нет. А из тех, кто полагал, что опасные враги ныне у России имеются (61%), более половины назвали мусульманские регионы. Напротив, на вопрос: «С какими странами, по Вашему мнению, России следует иметь союзнические отношения?» ни одна из мусульманских стран не была названа. После сентябрьской трагедии «мусульманская угроза» стала важнейшей внешнеполитической фобией не только в США, но и в России. Еще в апреле 1999 г. никто не считал Пакистан или мусульманские страны врагами России, а Афганистан и Чечня вызвали опасения лишь у 3% опрошенных.

Таким образом, **можно говорить о появлении новой фобии в российском массовом сознании**. Ее возникновение связано с развалом того миропорядка, который поддерживался Советским Союзом. Тогда часть мусульманского мира была плотно интегрирована в пространство СССР и считалась полностью «своей», другая — арабская выступала преимущественно в качестве союзника. Война в Афганистане и исламская революция в Иране, конечно, поколебали представление о прочных позициях нашей страны на Востоке и напомнили о существовании ислама как политического фактора. Но настоящие сдвиги начались после распада СССР, когда мусульманские окраины России и постсоветского пространства превратились в очевидную для всех зону конфликтов, очаг нестабильности. Свою роль здесь сыграла и эскалация чеченского конфликта, который породил негативное отношение к мусульманским политическим движениям, усилил цивилизационный раскол между русскими и мусульманским миром. Активная миграция кавказцев и жителей Центральной Азии в российские города, устойчивые ассоциации с мафией, преступностью, наркоторговлей также заметно ухудшили отношение россиян к исламскому Востоку.

«Ось зла» в представлении россиян выглядит существенно иным образом, чем в представлении Дж.Буша-младшего. Это — **ось «Тегеран — Багдад — ... Вашингтон»**. Причем отношение к Тегерану не столь плохое, скорее — неоднозначное. Да и в отношении Ирака доля респондентов, считающих его дружественной страной, все-таки превышает долю тех, кто назвал его недружественным государством.

Что касается КНДР, то отношение к этой стране в России совершенно отличается от американского. Для россиян это скорее бедное маленькое государство и традиционный, но забытый партнер, а совсем не вооруженный до зубов страшный диктаторский режим, часть «оси зла». Отсюда отношение к КНДР как к дружественному государству, разделяемое 58% респондентов (против 12%, придерживающихся противоположной точки зрения)[1].

Итак, каковы же **контуры российской обыденной геополитики**? Географически она выглядит как наложение евразийского и циркумполярного пространств, которые воспринимаются в целом как дружественные. Однако здесь есть существенные исключения. США во многих отношениях являются как бы противоположным, хотя и «неполноценным» полюсом, от которого исходит угроза. Менее успешно, по сравнению с другими странами, вписываются в ряды «друзей» островные полюса у берегов Евразии — Великобритания и Япония. **Российское обыденное евразийство носит отчетливо континентальный характер**. Однако в настоящее время из континентального евразийского пространства изымается исламский мир, который все чаще воспринимается как второй и даже главный источник угрозы национальной безопасности. Поэтому евразийство россиян носит частичный, половинчатый характер, распространясь скорее на Южную и Восточную Азию, а не на нестабильный Ближний и Средний Восток.

---

[1] Интересно, что точно такие же показатели были получены и по Южной Корее. Для Запада такое отношение к двум Кореям кажется совершенно немыслимым.